

## ПРИДНЕПРОВЬЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА

ЯКОВ ГРИГОРЬЕВИЧ РИЕР

Как известно, в Европе на развалинах античной цивилизации складывается ряд цивилизационных моделей. В **западноевропейской** модели соединяются римские традиции хозяйственного обособления мелких производителей с германской общиной-маркой. Последняя была довольно рыхлой, ибо еще с начала новой эры у германцев начали обособляться отдельные крестьянские хозяйства. Такие порядки в сочетании с римскими обычаями способствовали появлению аллода как частной собственности на землю. На этой основе постепенно формируется знать с обширными правами на землю и складываются основные параметры средневековой западноевропейской цивилизации.

Раннесредневековую Скандинавию следует выделить в особую **североевропейскую** модель. Там, в специфических природных условиях, сложились обособленные крестьянские хозяйства с сильными наследственными правами на землю. Это впоследствии, несмотря на замедленное общественное развитие, способствовало восприятию регионом западноевропейских ценностей.

В **византийской** модели новые землевладельцы наслонились на еще сохранявшиеся прежние господствующие слои (рабовладельцев, бюрократию, богатых торговцев и ремесленников). Соперничество разных правящих группировок и, по началу, более стабильная, чем на Западе, экономика способствовали и большей силе государственной власти в Византии. Хозяйство в целом оставалось централизованным, что требовало мощного бюрократического аппарата. Поэтому здесь не сложился, как на Западе, сеньориальный строй. Но норма эксплуатации рядового населения здесь была выше западноевропейской, ибо над трудящимися стояли и государственная администрация, и местные землевладельцы, постепенно, но настойчиво расширявшие свое влияние. Поэтому экономика этой модели оказалась менее продуктивной, а общественное развитие по сравнению с Западом – более медленными.

Устойчивость и оригинальность указанных процессов позволяет видеть здесь становление

особой цивилизации. Специфика раннесредневекового развития западославянских и некоторых соседних земель позволяет выделить **центрально-европейскую** модель. Здесь и далее на восток отмечается большая прочность общины, до рубежа I–II тысячелетия отсутствовали обособленные крестьянские хозяйства с правами отчуждения земли, что затрудняло оседание на земле военной знати и формирование служилого сословия. Лишь с начала II тысячелетия началось втягивание правящего слоя в парадигму западноевропейского развития и восприятие данным регионом отдельных параметров западноевропейской цивилизации. Но специфика раннесредневекового этапа (сильная община) замедляла общие темпы развития и экономики, и социальных отношений. Это относилось и к аграрным преобразованиям, и к развитию городов. Однако стремление правящего сословия к жизни по западноевропейским сеньориальным порядкам и установившаяся конфессиональная общность с Западом постепенно сближают данную модель с западноевропейской цивилизацией. Завершающий этап этого сближения мы и наблюдаем в наши дни. Память о гарантиях частной собственности и гражданском обществе обеспечивает направленность нынешнего развития центральноевропейских (бывших социалистических) стран.

У восточных славян, как и у западных, также сильна была община. Связано это, в еще большей степени, чем в Центральной Европе, с более суровыми природными условиями и, отсюда, с более редким населением. Это существенно замедляло общественное развитие. Соседство с кочевым миром стимулировало усиление централизации государственной власти с появлением восточных, деспотических черт. В итоге здесь сформировалась специфическая **восточноевропейская** цивилизация, по основным своим параметрам отличавшаяся от других европейских обществ.

Такой представляется общая картина генезиса цивилизаций в средневековой Европе (подробнее см.: Рыер, 1994; 1997; 1998). Обратимся теперь к

развитию цивилизационных процессов в интегрирующем нас регионе. Для процесса славянизации Восточной Европы, в ходе которого происходили кардинальные общественные изменения в регионе, первоначально, на рубеже I–II тысячелетия, было характерно однообразие как исходных основ, так и проходивших преобразований (Ляўко, 2000, с. 116; Риер, 2000а, с. 160–178). Это признавал и активный сторонник белорусской национальной идеи в эмиграции – Лев Акиншевич, писавший, что “белорусские княжества” в X–XIII вв., несмотря на территориальное, а, возможно, и этническое влияние балтов, оставались в круге восточноевропейского, “славяно–византийского цивилизационного цикла” (Акіншэвіч, 1998, с. 451)<sup>1</sup>. Однообразие определялось, прежде всего, единством географической среды, что вело к общности хозяйственной деятельности и быта, а также единством этнического происхождения основной массы населения, что сказывалось на общности бытовой и духовной культуры. Примечательно, что еще в 20-е годы, до позднейших археологических открытий, В. И. Пичета представил ту же картину славянского заселения будущих белорусских земель (с VI до рубежа X–XI вв.), которую теперь приняло большинство исследователей после длительных дискуссий (Пичета, 1927, с. 10).

Сказанное убедительно подтверждается материальной культурой домонгольской эпохи, наглядно представленной, прежде всего, в так называемых древнерусских курганных древностях, отражавших специфику быта (в одежде, украшениях, утвари) и миропонимания (в отношении к культу предков и потустороннему миру) (подробнее – Риер, 2000а, с. 97–119, 143–154). Как свидетельствует уже более чем столетнее их изучение, на всей территории восточнославянского расселения, от Северного Причерноморья и Правобережья Западного Буга на юге и западе, до Приильменя и верховьев Волги на севере и востоке, основные элементы курганной культуры были едины, что особо бросается в глаза при сравнении с западнославянскими древностями. Известна языковая общность восточных славян. Христианизация по византийскому обряду закрепила названное единство. В сельском мире она побеждает, в основном, к XIII в., когда исчезает языческий курганный погребальный ритуал. И это тоже свидетельствует в пользу названного единства. Влияние балтов и финно-угров, имевшее место в ходе их ассимиляции восточными славянами, не проявилось в общественных процессах того времени, хотя и заложило основы для будущих этнических и политических различий. Речь идет о начавшемся в начале II тысячелетия форми-

ровании белорусской, украинской и великорусской народностей<sup>2</sup>.

Ситуация начинает изменяться в XIII в., когда в условиях монгольской агрессии судьбы княжеств стали определяться динамично развивавшимися в регионе политическими процессами. Для Приднепровских земель, как и для Волыни, стала существенной возраставшая активность молодого Литовского княжества, возникшего в XII в. Геополитическая ситуация в регионе (тевтонская и монгольская угрозы) породила взаимную заинтересованность в друг друга литовской и соседних восточнославянских правящих элит. На этой основе во второй половине XIII в. происходит оформление Великого княжества Литовского (ВКЛ) – по сути – политического союза нескольких восточнославянских княжеств с наиболее сильными и политически амбициозными литовскими вождями и их дружинами (Великое, 1993, с. 83–84; Краўцэвіч, 1998, с. 23–24). В итоге, как известно, литовская знать получила доступ к обширным ресурсам Поднепровских земель, а восточнославянские верхи – не увязшую во взаимных склоках и междоусобицах силу, способную организовать не только сопротивление агрессорам, но и самим проводить активную внешнюю политику. По сути, литовские дружинники в данном случае сыграли ту же роль, что и норманны при создании Нормандского герцогства (X в.), Сицилийского королевства (XI в.), а также и в активизации процесса государствообразования в Древней Руси. Если пользоваться известными идеями Л. Н. Гумилева о пассионарности, к тогдашним литовцам это понятие вполне подходит. Тем более, что в процессе расширения политического влияния литовских князей и создания ВКЛ ими и их дружинниками осознавалась, по видимому, прежняя, балтская принадлежность Верхнего Поднепровья и Подвинья (Топоров, 1990). Так в Поднепровье сложилось государство с преобладающим восточнославянским православным этносом, соответствующими языком и культурой, и литовским названием (Великое, 1993, с. 88–89; Насевіч, Свяжынкi, 1999). Полагаю вполне резонным замечание немецкого историка Матиаса Ниендорфа, отметившего, что распространенная в белорусской историографии попытка интерпретировать ВКЛ как первоначально белорусское государство неубедительна. Однако важно учитывать восточнославянско–православный характер ВКЛ, а не только польско–католический, который был лишь историей шляхты (Великое, 1993). Но и определение ВКЛ как белорусско-литовской державы также вызывает возражения, ибо, по мнению А. О. Гурбика, не только не отражает

<sup>1</sup> Об Л. Акиншевиче смотри: Партноў, 1999.

<sup>2</sup> О начальном этапе формирования белорусской народности смотри: Пилипенко, 1991, с. 60–61.

тогдашние реалии, но и игнорирует двухсотлетнее пребывание в нем украинских земель. Точнее было бы, по его мнению – Литовско–Русское государство, что соответствует эпохе, когда под Русью понимали и белорусские, и украинские земли (Гурбик, 1998, с. 11).

Впрочем, литовская знать, хотя и не чуралась интеграции со славянско–православной элитой, но сохраняла свою особость, и, очевидно, в качестве противовеса, проявляла заинтересованность в связях с западом, где располагался другой естественный ее союзник в борьбе с крестоносцами – Польша. Через нее вместе с католичеством воспринимались элементы западноевропейской цивилизации, которые в течение XV–XVI вв. существенно преобразовали внутреннюю жизнь славянского населения ВКЛ. Особенно это стало заметно в XVI–XVII вв., когда они проявились и в аграрных преобразованиях, разрушавших общинные традиции и укреплявших права индивидуальных землевладельцев, и в укоренении сословных привилегий шляхты, и в развитии городского самоуправления, и в формировании своеобразной сословно–представительной монархии. Эти процессы означали наступление зрелого феодализма (преобладание феодального уклада) в его центральноевропейском варианте (Болбас, 1999; Гурбик, 1998, с. 38–733; Данилова, 1993, с. 51–56; Дворниченко, 1993, с. 121; Дмитриев, Флоря, Яковенко, 1996, с. 15–16, 33; Елизаров, Елизарова, 1999; Король, 1999; Матыс, 1999; Нарысы, 1994, с. 525–526; Похилевич, 1950; Саганович, 1997; Флиер, 1994). И все это на фоне все усиливавшегося противостояния с Московским государством, претендовавшим, особенно после гибели Византии, на гегемонию в православном мире. В итоге среди наиболее динамичных общественных слоев у сформировавшихся в это время белорусов и украинцев – дворянства и бюргерства – происходит переориентация на западные нормы и ценности, что может означать включение их в круг центральноевропейской цивилизационной модели. Крестьянство, естественно, было более консервативным. Тем более, что втягивание региона в общеевропейские хозяйственные процессы привело к массовому закреплению крестьянства до середины XVI в. (Гісторыя, 1997, с. 47–95; Гурбик, 1998, с. 8; Спиридонов, 1981; Спірыдонаў, 1990; Спиридонов, 1993). Аграрные реформы XVI в. не уничтожили общину, за которой оставались угодья и некоторые общинные повинности (Похилевич, 1948, с. 129–130). Прежде всего, это касалось сохранявшихся государственных земель (Пьянков, 1964). Но и в его среде, прежде всего в западных областях, усиливается роль индивидуального земледелия и других западных ценностей, что отразилось в активном распространении униатства.

На востоке ВКЛ эти процессы были выражены слабее, что породило сохранившиеся и поныне различия между коренными жителями западных и восточных областей Беларуси и Украины.

Таким образом, приднепровские славяне в силу геополитической ориентации Великого княжества Литовского как бы перешагнули, в цивилизационном смысле, в Центральную Европу. Но такой переход, в силу исторической скоротечности существования данного государства, не успел закрепиться, укорениться в глубинных, корневых элементах народной культуры. Его успели осуществить лишь менее связанные с традициями, более гибкие и пластичные шляхетско–бюргерские слои. Но с ликвидацией Речи Посполитой они оказались оторванными от возможностей влияния на общество и, чтобы не стать маргиналами, вливались в более устойчивые католические или православные элиты Польши и России. Оставшиеся один на один с российской имперской администрацией, крестьяне, за исключением крайних западных территорий, так и неуспевшие перестроиться на центральноевропейский лад, вернулись в лоно восточноевропейской цивилизации. Рассуждая о том, почему в попытке объединить под знаком Виленской Погони всю Восточную Европу ВКЛ, равная по материальным ресурсам тогдашней Москве, потерпело последнее поражение, Л. Акиншевич справедливо заметил, что западная культура прививалась к иному культурному пню, что делало новый росток хилым, тогда как перед ним стояли другие восточноевропейские общества, почти не затронутые западной культурой. И далее: чем более “западной” делалась “Литва”, тем сильнее была сила их сопротивления. Чем полнее была вестернизация ВКЛ (XVI–XVIII вв.), тем больший отпор она встречала и внутри страны, и, особенно, снаружи, с востока. Это обострилось, когда великий князь принял католичество, а белорусский и литовский шляхтич заговорили по-польски. В итоге, чем результативнее была вестернизация “Литвы”, тем слабее и менее единым становилось общество, хотя такого активного выступления против запада, как на Украине при Богдане Хмельницком, в Беларуси не отмечалось. Но и тут в XVII в. появлялись казаки, и было бы наивно думать, что борьба между католиками и униатами, с одной стороны, и православием, с другой, была результатом только религиозных воззрений. Это была великая борьба двух культурных основ. Западные правовые нормы принесли в Литовско–Белорусское государство, в белорусское, украинское и литовское общества принципы равенства, юридической ответственности, значение частной собственности и т.д., причем были творчески переработаны на базе традиций княжеской эпохи. Но реально шляхта нарушала это законодательство. И, завершает Л. Акин-

шевич, Великое княжество Литовское – это общество переходного типа, в котором боролись западные и восточные цивилизационные влияния. Некоторая, внешняя, победа западного влияния оттолкнула от белорусско-литовской державы соседние земли с восточноевропейской культурной основой и отдала их в руки Москвы. А в самом ВКЛ борьба двух цивилизационных основ не привела к здоровому, органичному их синтезу. Это причина того, что в конце XVIII в. ослабленное и внутренне исчерпанное, ВКЛ стало легкой добычей России (Акиншэвіч, 1998, с. 452–453).

На это же обратил внимание и А. Я. Флиер, заметивший, что Польша оказала неосознанную услугу Москве, усиливая католическое влияние в ВКЛ, а затем притесняя православие, что сделало невозможным объединение всех русских (по Флиеру) земель под эгидой Великого княжества (Флиер, 1994, с. 103–104). О том же писал и надолго, к сожалению, забытый, оригинальный белорусский мыслитель начала XX в. И. Канчевский (Канчэўскі, 1998).

Я не удержался от столь пространных заимствований из статьи Л. Акиншевича, опубликованной еще в 1953 г., ибо, не будучи с ней знаком, как и вообще с эмигрантской историографией (она легально пересекла нашу границу лишь спустя столетия в антологии белорусской мысли, изданной в Варшаве), пришел к аналогичным выводам (Риер, 1999а; 1999б; 2000б). Эти выводы уточнил И. А. Марзалюк, подчеркнувший, что обособление приднепровского населения от будущего великорусского началось с XIV в. и к XVI в. этот процесс завершился: население рассматриваемых территорий вошло, в цивилизационном плане, в восточную часть Центрально-европейского региона (Марзалюк, 2000)<sup>3</sup>. Представляется, однако, что “вестернизацию” средневековых белорусских земель нельзя преувеличивать, ибо она не успела “произвести устойчивую поросль” (пользуясь аллегорией Л. Акиншевича) на восточнославянской почве. Но и отвергать историческую особость белорусов, как это повелось со времен появления так называемого “западнорусизма” в русской и советской историографии, так же невер-

но. Здесь вновь уместно вспомнить И. Канчевского и Л. Акиншевича. Первый привел мысль Ф. Скорины: *“Над зiмнiмi хвалямі Дзвiны я быў вiзантыйцам–Юрыем, а ў Кракаве, куды мяне пацягнула за еўрапейскай ведай–лацінкам Францышкам. А дапраўды, я не быў ні Юрыем, ні Францышкам, незалежным духам, якога вы шукаеце, духам агульначалавечым толькі ў беларускай скуру. Шукайце ж!”* Второй отметил, что место белорусского народа нельзя четко и априорно найти среди вышерассмотренных цивилизационных комплексов (Акиншэвіч, 1998, с. 451; Канчэўскі, 1998, с. 75). Представляется, определение “объема” этой личности и анализ ее исторических корней еще ждут непредвзятого исследования. Сказывалось именно в это переходное время позднее формирование белорусского этноса и его географически определенной территории, за которой в XVII в., наконец, закрепилось название “Белая Русь”, что отразило формирование всего комплекса белорусской культуры (Белы, 2000; Пазднякоў, 1993; Пилипенко, 1991, с. 4, 91–107; Піліпенка, 1992; 1993). Здесь представляется уместным привести точку зрения украинского исследователя А. Ткаченко, зачитанную на III Конгрессе белорусистов 6 декабря 2000 г. Не имея должных ресурсов, Беларусь всегда стремилась к федерации с соседями (ВКЛ, Польша, теперь – Россия). В отличие от Украины, Беларусь не имела казачества. Отсутствие традиций существования частной собственности не позволило создать в Беларуси необходимые условия укрепления своей национальной буржуазии, которая, добавим, и формировала везде традиции независимости. Впрочем, уместно вспомнить и такую мысль: “...Такое великое дело, как возрождение нации, не может совершиться быстро, безболезненно и без усилий” (Меир, 1997, с. 178).

Пока что можно лишь констатировать, что славянская основа и включенность в западную культуру позволили Беларуси стать мостом между западным и православным типами культур в XVII в. Украинская культура тогда, в XVI в., более сохраняла православную ориентацию (История, 1999, с. 386; Полуцкая, 1995).

---

<sup>3</sup> Кстати, благодарен И. А. Марзалюку, который в ходе дискуссии познакомил меня с публикациями этого и других очень интересных авторов из белорусской эмиграции. Сама же дискуссия, частично отраженная на страницах сборника “Край”, свидетельствует о необходимости более внимательного изучения сложного переходного периода белорусской истории – времени с конца XIII до второй половины XV в.

## ЛИТЕРАТУРА

- Акіншэвіч Л.**, 1998 – Пра “цвілізацыйныя асновы” беларускага гістарычнага працэсу // Беларуская думка XX стагоддзя. Філасофія, рэлігія, культура (анталогія). Варшава, 1998, с. 447–454.
- Белы А.**, 2000 – Хроніка Белай Русі. Мінск, 2000.
- Болбас В. С.**, 1999 – Абшчыннасць і індывідуалізм у менталітэце беларусаў // Менталітэт восточных славян: історыя, сучаснасць, перспектывы. Гомель, 1999, с. 114–116.
- Великое**, 1993 – Великое княжество Литовское // Родина. 1993. № 3, с. 81–93.
- Гісторыя**, 1997 – Гісторыя сялянства Беларусі. Мінск, 1997. Т. 1.
- Гурбик А. О.**, 1998 – Эвалюцыя сацыяльна-тэрытарыяльных спільнот у сярэднявечнай Украіне (воляшце дворище, село, сябринна спілка). Кіев, 1998.
- Данилова Л. В.**, 1993 – Становленне сістэмы дзяржаўнага феодалізма: прычыны, следствыя // Система государственного феодализма в России. Москва, 1993. Ч. 1, с. 40–92.
- Дворниченко А. Ю.**, 1993 – Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). Санкт-Петербург, 1993.
- Дмитриев М. Б., Флоря Б. Н., Яковенко С. Г.**, 1996 – Брестская Уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и Белоруссии во второй половине XVI – начале XVII в. Москва, 1996. Ч. 1.
- Дучыц Л.**, 1995 – Балты і славяне на тэрыторыі Беларусі ў пачатку II тысячагоддзя // БГА. 1995. Т. 2. Сш. 1, с. 15–30.
- Елизаров С. А., Елизарова Г. В.**, 1999 – “Государство–общество–индивид”: исторические реальности и восточнославянская ментальность // Менталітэт восточных славян: історыя, сучаснасць, перспектывы. Гомель, 1999, с. 157–159.
- История**, 1999 – История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения. Москва, 1999.
- Канчэўскі І.**, 1998 – Адвечным шляхам. Даследзіны беларускага сьветапогляду // Беларуская думка XX стагоддзя. Філасофія, рэлігія, культура (анталогія). Варшава, 1998, с. 73–101.
- Король А. Д.**, 1999 – Формирование ментальности восточных славян и Запада: общее и особенное // Менталітэт восточных славян: історыя, сучаснасць, перспектывы. Гомель, 1999, с. 74–76.
- Краўцэвіч А. К.**, 1998 – Вялікае княства Літоўскае ў другой палове XIII – пачатку XIV ст. і генэзіс дзяржавы па пісьмовых і археалагічных крыніцах // Аўта-рэферат дыс. ... доктара гіст. навук. Мінск, 1998.
- Ляўко В. М.**, 2000 – Раздрабленне тэрыторыі Полацкай зямлі на княствы–удзелы // ГАЗ. 2000. № 15, с. 116–122.
- Марзалюк І.**, 2000 – Дык усёж такі, да якой цывілізацыі належылі ў сярэднявеччы беларускія землі // Край. Магілёў, 2000, с. 27–30.
- Матыс Е. А.**, 1999 – Социально-транзитивные процессы и эволюция законодательной власти в Беларуси // Менталітэт восточных славян: історыя, сучаснасць, перспектывы. Гомель, 1999, с. 140–142.
- Меир Г.**, 1997 – Моя жизнь. Чимкент, 1997.
- Нарысы**, 1994 – Нарысы гісторыі Беларусі. Мінск, 1994. Ч. 1.
- Насевіч В., Свяжынкі У.**, 1999 – Міндоўг знаёмы і незнаёмы: погляд літоўскага гісторыка // БГА. 1999. Т. 6. Сш. 1–2, с. 261–272.
- Паднякоў В. С.**, 1993 – Да этнічнай гісторыі Беларусі // Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў. Мінск, 1993. Ч. 1, с. 6–8.
- Партноў А.**, 1999 – Леў Акіншэвіч // БГА. 1999. Т. 6. Сш. 1–2, с. 248–255.
- Пилипенко М. Ф.**, 1991 – Возникновение Белоруссии: новая концепция. Минск, 1991.
- Піліпенка М. Ф.**, 1992 – Новы погляд на этнагенез беларусаў // Актуальныя пытанні гісторыі Беларусі. Мінск, 1992, с. 34–40.
- Піліпенка М. Ф.**, 1993 – Фарміраванне пачатковай этычнай тэрыторыі беларускага народа. Да этнічнай гісторыі Беларусі // Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў. Мінск, 1993. Ч. 1, с. 24–25.
- Пичета В. И.**, 1927 – История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии. Минск, 1927. Ч. I.
- Полуцкая С. В.**, 1995 – Брестская церковная уния 1596 года – ответ на культурно-религиозный вызов Запада // Контактные зоны в истории Восточной Европы: перекрестки политических и культурных взаимовлияний. Москва, 1995, с. 101–115.
- Похилевич Д. Л.**, 1948 – Селяньска громада в заходніх воеводствах ВКЛ після аграрнай рэформы Сігізмунда Аўгуста // Ученіе запіскі Львівскага універсітэта. 1948. Т. 10, с. 103–130.
- Похилевич Д. Л.**, 1950 – Движение феодальной земельной ренты в Великом княжестве Литовском в XV–XVI вв. // Исторические записки. Москва, 1950. Т. 31, с. 191–221.
- Пьянков А. П.**, 1964 – Основные формы феодальной зависимости сельского населения Руси, Украины, Белоруссии и Литвы в XIV–XV вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г. Минск, 1964, с. 101–109.
- Рыер Я. Р.**, 1994 – Да метадалогіі новых падыходаў выкладання гісторыі сярэдніх вякоў у беларускай школе // Магілёўская даўніна. 1994. № 2, с. 80–86.
- Риер Я. Г.**, 1997 – Очерки истории средневековых цивилизаций. Могилев. 1997.
- Риер Я. Г.**, 1998 – Сколько путей проложила для нас история? // Веснік МДУ. 1998. № 1, с. 59–74.
- Рыер Я. Р.**, 1999а – Месца беларускіх зямель у гісторыі сярэднявечча: цывілізацыйны аспект // Веснік МДУ. 1999. № 2–3, с. 67–74.
- Риер Я. Г.**, 1999б – Восточная Европа: место в средневековой истории (к поискам истоков региональной специфики) // Гісторыя Беларускага Падняпроўя. Магілёў, 1999, с. 79–84.
- Риер Я. Г.**, 2000а – Аграрный мир Восточной и Центральной Европы в средние века по археологическим данным. Могилев, 2000.

Рыер Я., 2006 – Беларускія і польскія землі ў сярэднявеччы: пошукі цывілізацыйнай спецыфікі // Край. Магілёў, 2000, с.16–26.

Сагановіч Г., 1997 – У пошуках сярэднявечча // БГА. 1997. Т. 4. Сш. 1–2, с. 3–17.

Спирidonов М. Ф., 1981 – Закрепощение крестьянства Белоруссии // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Минск, 1981.

Спірыдонаў М. Ф., 1990 – Асноўныя праблемы гісторыі Беларусі XIV–XVI стст. у савецкай гісторыяграфіі // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. 1990. № 1, с. 107–114.

Спирidonов М. Ф., 1993 – Закрепощение крестьян Беларуси (XV–XVI вв.). Минск, 1993.

Топоров В. Н., 1990 – Образ “соседа” в становлении этнического самосознания (русско-литовская перспектива) // Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы в средние века. Москва, 1990, с. 4–14.

Флиер А. Я., 1994 – Об исторической типологии Российской цивилизации // Цивилизации и культуры. Москва, 1994. Вып. 1, с. 94–115.

#### СОКРАЩЕНИЯ

БГА – Беларускі гістарычны агляд  
ГАЗ – Гісторычна – археалагічны зборнік  
МДУ – Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт  
ВКЛ – Великога княжества Литовского.

## PADNEPRĖ VIDURAMŽIAIS

Jakovas Rijeras

### Santrauka

Bendrame Europos civilizacijų genezės fone galima pasekti viduramžių Baltarusijos žemių gyventojų, kurie II tūkstantmečio pradžioje priklausė Senosios Rusijos kunigaikštystėms ir, be kita ko, besiformuojančiai Rytų slavų civilizacijai, likimus. Nuo XIII a. pabaigos iki XVIII a. pabaigos susiformavę baltarusiai naujosios valstybės –

Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės, vėliau Žečpospolitos – sudėtyje suartėja su Vidurio Europos bendruomenė ir perima daugelį jos civilizacijos požymių. Tačiau išlikusi stačiatikiybė įtaka ir bendruomeninė santvarka neleidžia iki galo įvykti šiam civilizacijų suartėjimui. Tai lėmė tolesnį baltarusių tautos likimo prieštarumą.

*Iš rusų k. vertė Inita Tamošiūnienė*

## AREA NEAR DNEPR IN THE MIDDLE AGES

Jakov Ryer

### Summary

In the general background of the genesis of the European civilisations we may follow the destinies of the inhabitants of the lands of Belarus of the Middle Ages which belonged to the ancient Russia duchies and the appropriate formatted civilisation of the East Slavs at the beginning of the 2nd millennium. Since the end of the 13th century up to the end of the 18th century the formatted Byelorussians became close to the community of

the Middle Europe and take over many features of its civilisation through the new state – Grand Duchy of Lithuania and later through Rzeczpospolita. But the remained influence of the orthodox and the community system did not allow the final passage of civilisation. This caused the further discrepancy of the destiny of the Belarus nation.

*Translated from Lithuanian by Rasa Tolvaišaitė*

Prof. habil. dr. Jakovas Rijeras (Яков Григорьевич Рьер)  
Могилевский государственный университет,  
ул. Космонавтов 1, 212022, Могилев, Беларусь, тел. (375-0222) 26 35 09.

Straipsnis gautas 2001 02 20